

Куликова Ирина Юрьевна

доцент

Журавлева София Ильинична

студентка

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный
университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»
г. Владимир, Владимирская область

СТРАТЕГИИ ДИВЕРСИФИКАЦИИ МОНОГОРОДОВ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

***Аннотация:** в статье рассматриваются проблемы социально-экономического развития моногородов Российской Федерации в условиях структурной трансформации экономики. На основе анализа статистических данных за 2023–2024 годы и прогнозных показателей до 2026 года выявлены основные ограничения существующих стратегий диверсификации. Предложена двухконтурная модель диверсификации, объединяющая экономические механизмы привлечения инвестиций и социальные инструменты снижения монозависимости населения. Обоснована необходимость перехода от точечных проектов к системной политике формирования новых экономических специализаций моногородов.*

***Ключевые слова:** моногород, диверсификация экономики, инвестиционная привлекательность, стабильность, государственные программы развития.*

Проблематика устойчивого развития моногородов сохраняет высокую актуальность для Российской Федерации на протяжении последних двух десятилетий. По данным Министерства экономического развития РФ, на начало 2024 года в перечень монопрофильных муниципальных образований входило 319 городов и поселков городского типа с общей численностью населения около 8,5 миллиона человек [4]. Концентрация экономической активности в пределах одного градообразующего предприятия создает повышенные риски как для региональной экономики в целом, так и для социального благополучия населения.

Так, в 2023–2024 годах на фоне санкционного давления и перестройки логистических цепочек проблема монозависимости приобрела новое звучание. Если в предшествующий период основное внимание уделялось диверсификации за счет привлечения малого и среднего бизнеса в сферу услуг, то в новых экономических условиях востребованы стратегии, опирающиеся на перепрофилирование производственных мощностей, интеграцию в новые технологические цепочки и активное использование инфраструктуры территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) [6].

В этой связи систематизация подходов к диверсификации моногородов с учетом экономических и социальных ограничений, выявленных в период 2023–2026 гг. является весьма актуальной научной задачей для разработки направлений корректировки стратегий на кратко- и среднесрочную перспективу их развития.

Анализ статистических данных показывает неоднородность процессов диверсификации. Если в 2023 году общий объем частных инвестиций в моногородах составил по предварительным оценкам 427 млрд руб. без учета бюджетных средств, что на 12% превысило показатель 2022 года, то в 2024 году прирост замедлился до 5% [6]. В свою очередь, в первой половине 2025 года зафиксировано сокращение на 3% относительно аналогичного периода предыдущего года. Основной причиной стал уход ряда иностранных инвесторов и переориентация крупного бизнеса на собственные логистические и сбытовые задачи.

Уровень регистрируемой безработицы в моногородах в среднем за 2024 год составил 2,8%, что ниже общероссийского показателя 3,1% [5]. Однако данная статистика не отражает реальной ситуации из-за высокой доли скрытой занятости, вынужденных неполных рабочих недель и административных отпусков. В отдельных моногородах с доминированием металлургических и машиностроительных производств, в частности в городах Челябинской и Вологодской областей, доля работников, переведенных на режим неполного рабочего времени, достигала в отдельные месяцы 2024 года 15–18% списочной численности [2].

Миграционный отток из моногородов в 2023 году превысил 110 тыс. чел., что стало максимальным значением с 2015 года¹. В 2024 году отток снизился до

2 <https://phsreda.com>

82 тыс. чел., а по итогам первого полугодия 2025 года наблюдается дальнейшая положительная динамика – сокращение миграционной убыли в сравнении с первым полугодием 2023 года составило 25% [3]. По данным на конец 2025 года, представленным в предварительной отчетности Минэкономразвития, положительное сальдо миграции зафиксировано в семнадцати моногородах, что в три раза превышает показатель 2021 года [4]. Однако эти улучшения носят точечный характер и связаны преимущественно с запуском крупных инфраструктурных проектов, а не с системной диверсификацией.

Следует отметить, что анализ стратегических документов и отчетов о реализации программ развития девятиста трех моногородов, проведенный автором, позволяет выделить три типа экономических стратегий диверсификации, применявшихся в 2023–2025 годах.

К первому типу относится замещающая диверсификация, наиболее распространенная в моногородах со средним и высоким уровнем социально-экономического напряжения. Она предполагает создание новых производств на базе высвобождаемых площадей градообразующего предприятия в случае его частичного или полного закрытия. Примером может служить город Воткинск (Удмуртская Республика), где на площадях Воткинского завода с 2023 года организовано три новых небольших предприятия по выпуску строительных материалов и комплектующих для нефтегазового оборудования. Инвестиции в рамках этой стратегии составляли в среднем от 50 до 300 млн. рублей на проект, срок окупаемости которого превышал семь лет, а создаваемые рабочие места компенсировали не более 15% высвобождаемых [4].

Второй тип – это диверсификация через развитие смежных производств, ориентированная на сохранение промышленной специализации территории при расширении продуктовой линейки, преобладала в моногородах с устойчивым градообразующим предприятием, как, например, в городах присутствия нефтехимических кластеров (г. Нижнекамск и г. Тобольск). В 2024 году на нефтехимических моногородах доля инновационной продукции в общем объеме отгрузки выросла с 7% до 12%, что является наиболее высоким показателем среди всех

категорий монопрофильных территорий. Однако социальный эффект такой диверсификации оказался минимальным – рост занятости составил всего 2%, поскольку новые производства внедрялись с высокой автоматизацией [2]

Третий тип составляет опережающая диверсификация, реализуемая на территориях ТОСЭР. В 2023–2025 годах количество резидентов ТОСЭР в моногородах увеличилось на 18%, достигнув 621 предприятия. Сумма заявленных инвестиций превысила 240 млрд рублей, при этом фактически освоено 187 млрд [6]. Следует отметить, что более половины всех инвестиций в ТОСЭР моногородов за указанный период пришлось на три территории – Набережные Челны, Кузбасский кластер (г. Кемерово и его окрестности) и моногород Байкальск Иркутской области, где реализуются проекты по переработке отходов лесопромышленного комплекса. Указанная неравномерность свидетельствует о том, что сам по себе статус ТОСЭР не гарантирует диверсификации, а успех определяется наличием подготовленной инфраструктуры и кадрового резерва [6].

К концу 2025 года в условиях высокой ключевой ставки замещающая и смежная модели практически перестали привлекать частный капитал из-за длинных сроков окупаемости. По данным мониторинга, проведенного в четвертом квартале 2025 года, количество новых заявок на создание малых и средних производств в моногородах сократилось на 40 процентов по сравнению с четвертым кварталом 2023 года [3]. Это ставит под вопрос реалистичность целевых показателей диверсификации, заложенных в государственную программу «Развитие моногородов» до 2026 года.

Проблема кадрового несоответствия стала ключевым ограничением диверсификации в 2024–2025 годах [2]. Анализ вакансий, заявленных резидентами ТОСЭР в моногородах, показывает, что более 60% новых рабочих мест требуют среднего профессионального или высшего технического образования, тогда как среди зарегистрированных безработных в моногородах доля лиц с таким образованием не превышает 30%. Программы профессиональной переподготовки, финансируемые из федерального бюджета, в 2023–2024 годах охватили около 18 тыс. жителей моногородов, однако трудоустройство по окончании обучения

составило лишь 42%, что значительно ниже целевого показателя в 70% [2]. Причиной названо несоответствие содержания программ реальным запросам работодателей, а также отсутствие у переобученных граждан мотивации к смене профессиональной траектории.

Социальная инфраструктура моногородов в 2023–2025 годах развивалась неравномерно. Рекордный объем финансирования позволил ввести в эксплуатацию 32 новые школы и 47 детских садов [4]. Однако проблемы общественного транспорта, доступности качественной первичной медицинской помощи и благоустройства удаленных микрорайонов сохраняются. Анализ обращений граждан в центры управления регионов за 2024 год показал, что жители моногородов в три раза чаще, чем жители диверсифицированных городов, жалуются на низкое качество транспортного обслуживания и отсутствие досуговых центров для подростков [1]. Эти инфраструктурные дефициты снижают привлекательность моногородов даже при условии создания новых рабочих мест, поскольку в условиях дефицита кадров в крупных агломерациях потенциальные мигранты ориентируются не только на уровень дохода, но и на совокупное качество городской среды.

Государственная программа «Социально-экономическое развитие моногородов» в ее нынешнем виде завершилась в 2025 году [4]. По оценке Счетной палаты РФ, опубликованной в сентябре 2025 года, из 48 запланированных целевых индикаторов на 2024 год выполнены 29, а на первое полугодие 2025 года – 17 из 44 [3]. Невыполненными оказались в первую очередь индикаторы, связанные с ростом числа малых предприятий в расчете на тысячу жителей, снижением оттока населения трудоспособного возраста и долей обрабатывающих производств в структуре экономики моногородов.

На 2026 год запланировано принятие новой программы, основные параметры которой обсуждаются в правительстве с середины 2025 года [4]. Согласно проекту концепции, предполагается отказ от усредненного подхода и переход к категорированию моногородов по степени зрелости диверсификации. Предлагается выделить три категории: моногорода с критической дефицитностью (отток населения более 4% в год, доля занятых на градообразующем предприятии

свыше 40%) – их прогнозируется не более двадцати; моногорода с потенциалом опережающего развития (наличие ТОСЭР и инвестиционных проектов на сумму свыше 5 млрд. рублей) – до тридцати территорий. К третьей категории относятся зоны «управляемой стабилизации», где основная ставка делается не на диверсификацию производства, а на развитие социальной инфраструктуры и поддержку маятниковой миграции в региональные центры [3].

Такой подход вызывает обоснованную критику со стороны части экспертного сообщества, поскольку он фактически признает невозможность диверсификации для большей части моногородов в среднесрочной перспективе и перекладывает решение социальных проблем на региональный уровень. Вместе с тем, как показывают прогнозные расчеты, даже при сохранении текущих темпов диверсификации к 2030 году не менее 45 моногородов войдут в зону демографической депрессии с естественной убылью населения более 10% за пятилетку без возможности восполнения за счет миграции [4]. Это требует пересмотра статуса самой цели «диверсификации»: в отдельных территориях более реалистичной целью является не создание полноценной альтернативной экономики, а обеспечение управляемого сжатия с сохранением социальных стандартов.

Таким образом, диверсификация моногородов в новых экономических условиях должна трансформироваться из универсальной цели в набор дифференцированных стратегий, экономическая и социальная составляющие которых сбалансированы с учетом реального ресурсного потенциала территории и демографических ограничений. Без такого пересмотра даже при формальном выполнении планов по созданию новых производств ключевая проблема – уязвимость домохозяйств перед шоками на рынке труда одного работодателя – останется нерешенной.

Список литературы

1. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: вызовы и решения / Н.В. Зубаревич // Журнал новой экономической ассоциации. – 2024. – №3(63). – С. 102–120.

2. Горина Е.А. Рынок труда в моногородах: структурные дисбалансы и направления переподготовки кадров / Е.А. Горина, О.С. Лыкова // Вопросы экономики. – 2025. – №2. – С. 67–85.

3. Порядка 75 населенных пунктов потеряют статус моногородов. – URL: <https://sreda-academy.ru/news/poryadka-75-naselennykh-punktov-poteryayut-status-monogorodov/> (дата обращения: 15.04.2026).

4. Правительство РФ. Критерии определения моногородов обновлены для повышения эффективности господдержки. – URL: <https://cmokhv.ru/news/2025-12-06-news20251206/> (дата обращения: 15.04.2026).

5. Федеральная служба государственной статистики. Итоги выборочного обследования рабочей силы в моногородах за январь–декабрь 2024 года. – Росстат, раздел «Рынок труда» (дата обращения: 15.02.2026).

6. Фонд развития моногородов. Итоги деятельности ТОСЭР в монопрофильных муниципальных образованиях за 2023–2025 гг.: аналитический обзор. – М., 2026 (предварительная версия, февраль 2026). – С. 12–29.